

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Въ новую земскую школу, обращенную въ лазаретъ, привезли солдатъ. Это легко раненые. Ихъ тридцать человѣкъ. Вписывая въ книгу данныя о нихъ, видишь, сколько въ Россіи губерній, выговоровъ, типовъ лицъ. Немалая наша страна.

Изъ тридцати семнадцать х л ѣ б о п а ш ц ы. Такъ и быть должно. Если взглянешь въ окошко, или туманнымъ утромъ выйдешь по большаку—столько полей, жнивья, озимыхъ, пахоты—на миллионы рукъ.

Одного рыжеватаго мужика имя—Хрисанъ, а зовутъ его все Крисяномъ. Онъ и есть Крисянъ. Высокій, нескладный. Ходитъ нѣсколько коряво. Раненъ въ руку, когда шли «на ура». Пьетъ много чаю. Другой пониже ростомъ, со спутанными волосами, рѣдкой бороденкой. Кажется, Курекой губерніи. Крисянъ—самарецъ. У него разворочепъ палець, и зловонепъ. На перевязкѣ, когда снимаютъ разложившіяся частицы, слегка охаетъ. Но крѣпится. Они оба п а х а р и. Изъ тѣхъ, кѣмъ государетва держались. И эти не выдадутъ. Все помаленьку, помалегоньку. А прикажутъ имъ—все полягутъ. Не побѣгутъ.

Работа состоитъ здѣсь въ томъ: кормить ихъ, поить чаемъ, помогать на перевязкѣ. Это, разумѣется, не трудно.

Удивительная тьма вечеромъ, когда выйдешь на улицу! Начало ноябрю. Суровое въ деревнѣ время. Человѣку молодому и первому вѣтеръ, тьма ночи кажутся хаосомъ. Вѣроятно, это такъ и есть.

Вспоминаешь о тѣхъ воюющихъ, знакомыхъ и друзьяхъ, съ кѣмъ въ пестрой, иногда блестящей сутолкѣ столицъ сжигали жизнь. Гдѣ они сейчасъ? Въ развѣдкахъ, въ опасностяхъ? Или кто-нибудь изъ нихъ уже хрипитъ въ кусту, съ нулей въ животѣ?

«О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ и илѣненныхъ—и о спасеніи ихъ» ...

Фамилія одного раненаго—Келка. Онъ Петроградской губерніи, очень страннаго, Любинбургскаго уѣзда. О своей народности, емуцаея, пролететаль: «вниць», «вниъ»—непонятно. Онъ просто финнъ. Добрыя у него глаза, дѣтскіе. Очень растерянный. Что-то мелькаетъ и перебѣгаетъ въ лицѣ, и говорить онъ тоже жалобно—малопонятно. Точно подбалтываетъ. Вечеромъ мучительно и горячо молится, на колѣняхъ. Я принесъ имъ въ палату, передъ вечернимъ сномъ, яблокъ. Разговорились. Келка все бормоталъ: «Ой, много народу побили!» И улыбаея виновато. Потомъ прибавилъ: «И я его, офицера ихняго, прикладомъ, прикладомъ!»

Еще разъ я видѣлъ, онъ стоялъ передъ постелью, голову въ нее уткнулъ и руками сжалъ. Пусть бы актеръ сыгралъ такъ отчаянне!

Маркъ Аврелій бытъ очень спокойный, всегда прекрасный и правый человекъ. Ему было горько жить, во многомъ. Но одного онъ не зналъ, терзаній совѣсти. Великое это счастье.

Низкорослый, черный, веселый солдатъ разсказывалъ, какъ ихъ рота сошла съ австрийцами—на штыки. «И они стоятъ, и мы стоимъ, значитъ, и имъ страшно, и нашимъ. Они кричагъ—сдавайтесь, и мы имъ то же кричимъ. Ротный нашъ говоритъ... «никогда колоть, ребята, сейчасъ сдадутся». И только сказалъ—разъ ему пуля въ лобъ. Наши осерчали. Нѣтъ, не уйдешь. Они драла. Я на какого-то наскочилъ, ва-акъ далъ ему штыкомъ въ задъ, даже хрюнуло. Штыкъ застрялъ, вытащить не могу. А онъ бѣжитъ, меня за собой тянетъ. Ружье жаль бросать, ахъ ты дьяволъ этакий! Было къ своимъ утанцилъ, въ Австрію. Ну, тутъ сбоку нашъ, Мионовъ ему раза далъ, попритихъ онъ». Это разсказывалось раза три. Всегда съ успѣхомъ.

Отчего Келка тоскуеть?—Измученъ.—Чѣмъ?—Кровью, выстрѣлами, убійствомъ.—И смерти ждеть?—Ждетъ.—Многіе ждутъ?—Многіе.

Большинство думаетъ, что не вернется. Много пишутъ женамъ, къ которымъ стали нѣжнѣе. Чаще вспоминаютъ домъ, дѣтей. Нерѣдко они смѣются. Но скоро становятся серьезны. Вообще они очень, очень серьезны. Почти все стали набожнѣе.

Еще есть гвардеецъ. Необыкновенной красоты человекъ. Даже черныя его волосы ложатся симметрично, кольцами, какъ все въ немъ симметрия и гармонія. Онъ изъ Черниговской губерніи, но похожъ на Софокла. Этотъ Софокль мнѣ сообщилъ, что убилъ около тридцати человекъ. Черезъ нѣсколько времени, когда дежурила одна добрая душа, онъ вдругъ ей сказалъ: «А не грѣхъ, что я столько народу убилъ?» Солдаты засмѣялись. «Глуный человекъ, небось война!» Должно быть, и у него это было минутное.

Маркъ Аврелій войну ненавидѣлъ. Ему пришлось воевать всю жизнь. Онъ покорно и величественно воевалъ съ разными квадами, маркоманами, защищая Римъ, ненавидя войну. Онъ всехъ побѣдилъ.

Русскіе тоже войны не любятъ. Одинъ мой другъ пишетъ изъ арміи: «Я успѣлъ полюбить солдатъ, т.-е. какъ часть народа. Нашъ умнѣйшій народъ понимаетъ, какое страшное несчастіе война».

Нашъ умнѣйшій народъ, не любя войну, отобьетъ всѣхъ, кого нужно.

Если есть Судъ за гробомъ, Келка попадетъ въ селенія блаженныхъ.

Шпой разъ, разливая имъ чай или накладывая кашу, думаешь, что эти люди увидѣли и узнали такое, чего тебѣ и веѣмъ не бывшимъ тамъ, не дано.—Бремя ли на нихъ?—Да.—Подвигъ ли?—Да.—Великая ли тоска?—Великая.

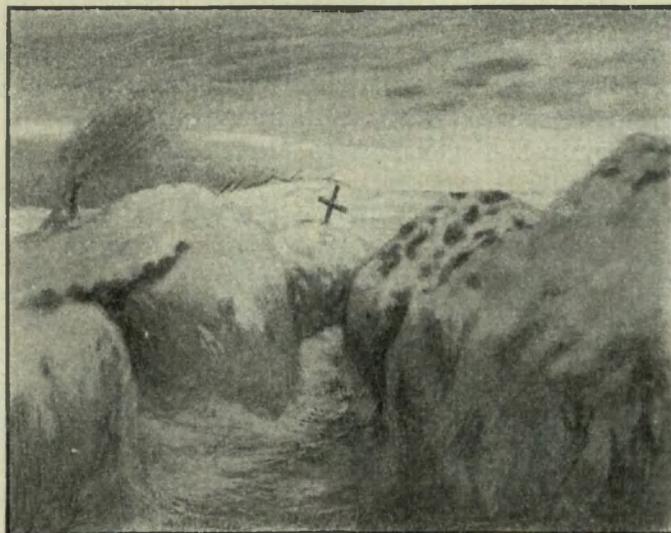
Изъ нихъ мало такихъ, кто х о ч е т ь драться. И умирать никому не хочется. Но если выпало общее горе—это горе война—надо драться. Они смотрятъ на себя, какъ на обреченныхъ. Наверно, есть у некоторыхъ озлобленіе. Но я его не видѣлъ.

Пришла старуха, принесла имъ пироговъ, и поклонилась въ поясъ. Верно, такъ она покойника поцѣлуетъ въ вѣчикъ на лбу.

А мы? И мы въ поясъ поклонимся. Быть можетъ, слѣдуетъ взять руку Крысана, покрытую рыжеватыми волосками,—ту руку, что черезъ мѣсяць, два, снова будетъ держать ружье и отстаивать родину—взять ее и поцѣловать. Это вовсе не будетъ стыдно.

«Спаси и помилуй рабовъ Божіихъ Павла, Сергія, Александра»... А затѣмъ слѣдуетъ прибавлять: «И все христіанское воинство»—старинное и теперь такъ мучительно-жалобное выраженіе. Да, все христіанское воинство.

Б о р . З а й ц е в ь .

А. В. Лысенко.
«Путь сообщенія»,
рис. съ натуры.

НѢТЬ БОЛЬШЕ РАДОСТИ...

(Изъ цикла «14-й годъ».)

НѢть больше радости на сумрачной землѣ...
Веселый смѣхъ погасъ и пѣсни отзвучали.
Дни медленно ползутъ и таютъ въ душной мглѣ...
Жизнь призадумалась,—и на ея челѣ
Сѣдое облако печали...

Разбитый тяжкимъ сномъ, встаешь съ тупой тоской,
Готовый ко всему, измученный, покорный...
Берешь газетный листъ дрожащею рукой—
Кошмаръ не кончился... и льется кровь рѣкой,
И все растетъ синодикъ черный.

Ничто не радуетъ: ни солнце, ни морозъ,
Ни тройка звонкая, ни блескъ равнины снѣжной.
НѢть больше радости, нѢть милыхъ дѣтскихъ грезъ...
Все обезкрылено... Все богъ войны унесъ,
Справляя грозно ширъ мятежный.

НѢть больше радости!.. горячія уста,
Шептавшія «люблю», искажены страданьемъ.
Надъ веѣмъ, что дорого, могильная плита...
И пѣснь народная въ одинъ напѣвъ слита
Съ глухимъ безпомощнымъ рыданьемъ...

Идутъ, идутъ на смерть цвѣты родной страны,
Идутъ, чтобъ свергнуть мощь кроваваго кумира!
Умомъ я вѣрую въ святую цѣль войны,
Но сердце ждетъ любви, покоя, тишины,—
Больное сердце жаждетъ мира....

Л. М у н ш т е й н ъ.

Декабрь, 1914.